

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

**«ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ТӘУЕЛСІЗДІГІНЕ 30 ЖЫЛ:
ТАРИХИ БАҒДАРЫ, ДАМУ БЕЛЕСТЕРІ ЖӘНЕ БОЛАШАҒЫ»
XVIII ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЕУРАЗИЯ ҒЫЛЫМИ ФОРУМЫНЫҢ
МАТЕРИАЛДАРЫ**

**МАТЕРИАЛЫ
XVIII МЕЖДУНАРОДНОГО ЕВРАЗИЙСКОГО НАУЧНОГО ФОРУМА
«30 ЛЕТ НЕЗАВИСИМОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН:
ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРС, ВЕХИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

**MATERIALS
XVIII INTERNATIONAL EURASIAN SCIENTIFIC FORUM
«30 YEARS OF KAZAKHSTAN'S INDEPENDENCE:
HISTORICAL COURSE, MILESTONES OF DEVELOPMENT
AND PROSPECTS»**

Нұр-Сұлтан, 2021

ӘОЖ 94(574)
КБЖ63.3(5Қаз)
Қ18

Бас редактор

Сыдықов Е.Б., Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Басқарма төрағасы-ректор, ҚР ҰҒА академигі

Жауапты редактор

Садықов Т.С., т.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ тарих факультетінің деканы

Редакция алқасы

Мерзалинова Г.Т., Басқарма мүшесі – Ғылым, коммерциализация және интернационалдандыру жөніндегі проректор; Айтмағамбетов Д.Р., т.ғ.к., доцент, Басқарма мүшесі – Стратегиялық даму жөніндегі проректор; Сайлаубай Е.Е., т.ғ.к., доцент, ЕҰУ «Ел тарихы» ҒЗО директоры; Сейтказина К.О., т.ғ.к., доцент, деканның академиялық мәселелер жөніндегі орынбасары; Ерменбаева Г.К., т.ғ.к., доцент, деканның ғылыми жұмыс жөніндегі орынбасары; Көшенова Ғ.И., т.ғ.к., доцент, Қазақстан тарихы кафедрасының меңгерушісі; Үмітқалиев Ұ.Ұ., т.ғ.к., доцент, археология және этнология кафедрасының меңгерушісі; Дүкенбаева З.О., т.ғ.д., профессор; Мусабалина Г.Т., т.ғ.д., профессор; Ковальская С.И., т.ғ.д., профессор; Алпысбес М.А., т.ғ.д., профессор; Мусағалиева А.С., т.ғ.д., профессор; Сарсамбекова А.С., т.ғ.к., доцент; Сайлаубаева Н.Е., т.ғ.к., доцент; Кабылтаева С.К., PhD, доцент; Каженова Г.Т., т.ғ.к., доцент; Жанисов А.Т., т.ғ.к., доцент; Жапекова Г.К., т.ғ.к., доцент; Брынза Т.В., аға оқытушы; Абдуразаков М.Ф., аға оқытушы (тех. редактор); Бижанов А.С., аға оқытушы (тех. редактор); Оразаев С.Б., аға оқытушы (тех. редактор).

Редакция алқасының көзқарасы мақала авторларының пікірімен сәйкес келуі міндетті емес/Мнение автора публикаций не обязательно должно совпадать с мнением редакционной Коллегии.

«Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігіне 30 жыл: тарихи бағдары, даму белестері және болашағы» XVIII Халықаралық Еуразия ғылыми форумының материалдары. II том / **«30 лет Независимости Республики Казахстан: исторический курс, вехи развития и перспективы»**: Материалы XVIII международного Евразийского научного форума. II том / Жалпы ред. басқарған Е.Б.Сыдықов. – Нұр-Сұлтан: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, 2021. – 557 б. – қазақша, орысша, ағылшынша.

ISBN 978-601-337-588-5

Бұл жинаққа Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығы мен Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ-нің 25 жылдығына арналған **«Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігіне 30 жыл: тарихи бағдары, даму белестері мен болашағы»** атты XVIII Халықаралық Еуразия ғылыми форумының материалдары енгізілді. Ғылыми форумның жұмысы Президент Қ-Ж.Тоқаевтың **«Тәуелсіздік бәрінен қымбат»** бағдарламалық мақаласының идеяларын жүзеге асыруға бағытталды.

Шетелдік және отандық ғалымдардың еңбектерінде Қазақстан халқының маңызды жетістіктері көрсетіліп, тарих ғылымының неғұрлым өзекті тақырыптары бойынша дамуының кейбір қорытындылары шығарылып, одан арғы зерттеулердің болашағы айқындалды. Жинақтың материалдары ғалымдарға, мамандарға, студенттерге, әртүрлі деңгейдегі ұйымдар мен билік органдарының басшыларына қызықты болуы мүмкін /

В данный сборник включены материалы XVIII Международного Евразийского научного форума **«30 лет Независимости Республики Казахстан: исторический курс, вехи развития и перспективы»**, посвященного 30-летию Независимости Республики Казахстан и 25-летию ЕНУ имени Л.Н. Гумилева. Работа научного форума была нацелена на реализацию идей программной статьи Президента К-Ж. Токаева **«Независимость превыше всего»**.

В работах зарубежных и отечественных ученых отражены важнейшие достижения народа Казахстана и подведены некоторые итоги развития исторической науки по наиболее актуальным темам, определены перспективы дальнейших исследований. Материалы сборника могут быть интересны ученым, специалистам, обучающимся, руководителям организаций и органов власти разных уровней.

ӘОЖ 94(574)
КБЖ63.3(5Қаз)

ISBN 978-601-337-588-5

© Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, 2021

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИКИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В НАЧАЛЕ 30-Х ГГ. XX ВЕКА

Альжаппарова Б.К.

к.и.н., доцент исторического факультета Евразийского национального
университета им. Л.Н. Гумилева

Политика тоталитарного режима, проводившаяся в Казахстане в начале 30-х гг. XX века и направленная на форсированную коллективизацию и оседание, привела к катастрофическим последствиям: обнищанию населения, росту откочевков, социально-демографическим последствиям. Реализация политики оседания и коллективизации способствовала разрушению традиционной структуры казахов, отличительным признаком которой являлась система коллективной безопасности на случай голода. Крушение системы коллективной безопасности вызывало у населения различные формы протеста, одной из которых являлись откочевки.

Откочёвки этого периода следует разграничивать от кочевания, являвшегося неотъемлемым атрибутом традиционного хозяйства казахов. Если кочевание в рамках кочевого и полукочевого скотоводства было продиктовано мотивами экологической и экономической целесообразности, то откочёвки начала 1930-х гг. имели другой характер. Как писал Турар Рыскулов, «... это было бегство голодных, отчаявшихся людей в поисках пропитания» [1]

Актуальность изучения данной проблематики продиктована и современными мировыми реалиями. Как свидетельствует исторический опыт многих стран, стремление проводить в стране непродуманные экономические реформы, не учитывающие специфики региона, приводят часто к непредвиденным результатам. Примером тому являются социально-экономические процессы, развернувшиеся в развивающихся странах, являвшихся, по сути, традиционными обществами, во второй половине XX века. Издержки реальной модернизации проявили себя в обнищании и деклассировании крестьянства, в разрушении ещё не изживших себя форм хозяйствования. Произошло разрушение сельского мира, который был «воплощением незыблемости мироздания, источником поведенческих стереотипов».

Источниковую базу исследования составили архивные документы. В Центральном Государственном архиве Республики Казахстан были исследованы материалы Ф. № 44. (Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции) и Ф. № 1179 (Комитет по оседанию и хозяйственному устройству откочевников при Совете Народных комиссаров Казахской АССР). В этих фондах были изучены докладные и пояснительные записки о ходе коллективизации, протоколы заседаний президиумов райисполкомов о ходе хозяйственно-политических кампаний, информационные сводки, материалы о ходе работ по оседанию, переписка между краевыми и местными организациями.

В АПРК были изучены Ф. № 141 (Казахский краевой комитет ВКП (б)) и Ф. № 719 (Казахская краевая контрольная комиссия ВКП (б)- Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции). В этих фондах были изучены докладные записки о положении районов, материалы Полномочного представительства, Объединённого Государственного Политического Управления (ПП ОГПУ) в Казахстане о ходе коллективизации, оседания и масштабах откочевков, документы о положении откочевников в Караганде. Изучение этих документов позволяет нам изучить масштабы и последствия политики Советской власти в сельском хозяйстве на территории Центрального Казахстана.

Весьма ценным источником являются опубликованные сборники документов «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939.». Эти сборники документов состоят из пяти томов, которые составлены по хронологическому принципу и раскрывают процессы, происходившие в советской деревне в этот период. В них включены документы партийных, государственных, колхозно-

кооперативных, военных учреждений и организаций - ЦК ВКП (б), ЦИК и ВЦИК, СНК СССР, ОГПУ, ГПУ СССР, высших судебных учреждений [2].

Историография этой темы нашла отражение в исследованиях отечественных и зарубежных ученых. Так, в конце 1980-х - начале 1990-х годов, в связи изменением политической ситуации в стране, интенсифицируется исследовательский порыв многих историков, усиливается интерес к изучению “белых пятен”, вследствие этого происходит концептуальное переосмысление истории коллективизации и оседания. На этом этапе происходит концептуальное переосмысление исторического опыта 1930-х годов и в трудах российских историков. В этой связи вызывают интерес труды Л.А. Гордона, Э.В. Клопова и других [3-4].

В своих исследованиях они аргументированно пришли к выводу, что в конце 1920-х гг. советское руководство сознательно сделало выбор в пользу сталинского варианта строительства социализма, предусматривавшего идею первостепенного решающего значения индустриализации в ущерб сельскому хозяйству. Иными словами, в конце 1920-х гг. в Советском Союзе, в том числе и в Казахстане, был задействован тоталитарный вариант модернизации. Следует отметить, что, хотя их труды не касаются непосредственно казахстанской тематики, это ни в коей мере не умаляет их концептуальную значимость в контексте нашего исследования.

По мнению Кондрашина В.В., политика коллективизации на территории СССР проводилась сталинским руководством ради решения задачи форсированной индустриализации страны. Кондрашин В.В. утверждает, что коллективизация разрушила сельскохозяйственное производство и как следствие в 1932-1933 гг. наступил голод, который можно определить, как «организованный голод». «Он был организован сталинским режимом в результате насильственной коллективизации, а также с помощью принудительного вывоза хлеба из деревни в счет государственных заготовок и подавления крестьянского сопротивления. Все эти действия осознанно принимало сталинское руководство» [5, с. 250]. Кондрашин В.В. также считает, что эта ситуация усугубилась политикой ограничения и ликвидации традиционных методов выживания крестьян, отказом от международной помощи. Прямой организацией голода, по мнению историка, стали драконовские директивы Сталина — Молотова о борьбе со стихийной миграцией крестьян, запиравших их в деревнях и обрекавших на голодную смерть.

Кондрашин В.В. также считает, что «голод 1932-1933 гг. — это не национальный, а интернациональный, советский голод, от которого пострадало все население Советского Союза, и степень этих страданий определялась не национальной принадлежностью, а местом проживания». Самыми пострадавшими районами стали земледельческие районы СССР, где в начале 1930-х гг. проводилась сплошная коллективизация и хлебозаготовительные кампании по принципу продразверстки [5, с. 251].

Зарубежная историография этой темы представлена исследованиями ряда ученых: Роберта Дэвиса, Стивена Уиткрофта, Шейлы Фицпатрик, Линн Виола и других. Несмотря на то, что зарубежные ученые придерживаются различных, порой диаметрально противоположных концептуальных подходов, их объединяет репрезентативная источниковая база, фундаментальность и основательность освещения этого вопроса [6-9]. Так, монография И. Огайон посвящена истории седентаризации на территории Казахстана. В работе исследованы социально-экономические последствия седентаризации, выразившиеся в голоде и откочевках, приводятся конкретные факты по отдельным регионам, свидетельствующие о масштабах откочевки. По мнению историка, основным фактором, который привел Казахстан к катастрофе, была политика заготовительных кампаний или реквизиции скота у населения. Автор исследовала и такой вопрос как формы борьбы и сопротивления, которые применялись казахами на рубеже 1920-1930-х гг., изучила динамику и локализацию крупных восстаний, происходивших на территории Казахстана, выявила их региональную специфику [8].

С. Камерон придерживается тезиса, что в эти годы пострадали именно регионы, которые традиционно поставляли продовольственные товары, регионы, в которых проводились заготовительные кампании. Исследуя коллективизацию в Казахстане, историк утверждает, что в регионе в эти годы было уничтожено практически все поголовье скота, что нанесло удар по кочевничеству. Поэтому основными жертвами голода в Казахстане стали кочевники [9].

Н. Пианчола отмечает, что основным фактором казахстанской трагедии, стала политика хлебозаготовительных кампаний, проводившаяся даже в пастушеских районах. Ссылаясь на Стенограмму Совещания ЦК ВКП (б) по хлебозаготовкам, приведенную в сборнике документов В.П. Данилова «Трагедия советской деревни», историк утверждает, что «нормы по хлебозаготовкам для казахских пастухов были так же высоки, как и для хлеборобов Поволжья» [10] Высокие нормы хлебозаготовок, по мнению Пианчолы, объяснялись тем, что Казахстан рассматривался в качестве основного полюса производства хлеба, в отличие, например, от Киргизии - территории, где жили пастухи-кочевники, которых также переводили к оседлости. Борьба за хлеб, за экспорт хлеба, по мнению Пианчолы, была для Сталина и его сподвижников борьбой за самовывживание режима.

Необходимо констатировать, что политика оседания, проводившаяся в аграрном секторе, привела к упадкусельского хозяйства и катастрофическому снижению жизненного уровня колхозников, что оказало влияние и на миграционные процессы, приводило к переселению населения из аулов и сёл в города и в районы промышленных строек, где они пополняли ряды пауперов и малооплачиваемых рабочих.

Следует отметить, что процессы обнищания и пролетаризации казахов происходили и в дореволюционный период, в начале XX века. Так, биография Наурзбаева Альмагамбета, родившегося в 1885 г. в Карсакпайском районе Карагандинской области – образец биографии человека, испытавшего процессы пауперизации и пролетаризации. С 1905 г. по 1914 гг. Наурзбаев был батраком у баев, с 1914 по 1919 г. – рабочий в Карсакпае. В 1919-1925 гг. жил в поселке Хима Есильского района, где был работником укулаков. С 1926 по 1932 гг. работал чернорабочим в Карсакпае: молотобойщиком механического завода, горновым металлического цеха [2].

Однако на рубеже 1920-1930-х гг. процессы пауперизации и пролетаризации приобрели еще больший размах и были вызваны процессами оседания и коллективизации. По материалам Ш. Фицпатрик, в СССР за период 1928—1932 гг. из деревни в город переселилось в общей сложности около 12 млн чел.; на каждые 30 человек, ставших колхозниками в 1929—1932 гг., 10 — оставляли крестьянский труд и становились наемными рабочими. Одни крестьяне, по данным Ш. Фицпатрик, «насиленно выслались из своих сел в связи с раскулачиванием, и почти половина из них в конце концов стали рабочими на предприятиях. Другие бежали сами из страха перед раскулачиванием или ненависти к колхозам. Третьи уезжали потому, что в результате промышленного роста в годы первой пятилетки в городах создавались новые рабочие места» [11, с. 175]. Однако необходимо констатировать факт, что в Центральном Казахстане переселение жителей аулов в города в конце 1920-х-начале 1930-х гг. не являлось индивидуальным отходничеством, когда крестьяне, заработав денег на промыслах, позже возвращались обратно. Переселение в города в этот период было продиктовано стремлением крестьян к выживанию.

Положение бывших кочевников, пополнявших ряды малооплачиваемых рабочих, было сопоставимо с положением пауперов. Убедительным примером является Карсакпайский медеплавильный завод, строительство которого началось еще в досоветское время. Ускорение строительства Карсакпайского медеплавильного завода произошло во второй половине 1920-х гг. в связи с политикой индустриализации, проводившейся в этот период. В 1928 г. на Карсакпае была получена первая черновая медь. По архивным документам, в октябре 1925 года в Карсакпайском медеплавильном заводе работало 316 казахов, в 1929 году – более 3 тыс. представителей коренной национальности. Данная цифровая динамика свидетельствует об обнищании казахского населения и его вовлеченности в политику

индустриализации. Необходимо также констатировать факт, что на Карсакпае в этот период - в конце 1920-х-начале 1930-х гг.- казахи работали только чернорабочими. [12, л. 42]

В Карсакпайском медеплавильном заводе условия проживания не соответствовали жилищным нормам и стандартам. Рабочие жили в тесных бараках, в антисанитарных жилищно-бытовых условиях, что приводило к эпидемии брюшного тифа. Медицинское обслуживание населения было весьма неэффективным вследствие и зерного количества медицинского персонала и отсутствия специального здания для больницы. Поэтому рабочие во время эпидемии брюшного тифа вынуждены были оставаться в переполненных бараках, что еще более ухудшало ситуацию. Таким образом, условия труда и быта рабочих – казахов были очень тяжелыми, их жилье не отвечало даже минимальным требованиям санитарии, хотя согласно договору с Народным комиссариатом труда, рабочие должны были обеспечиваться жильем, отвечающим необходимым санитарным правилам [12, л.43].

Убедительным примером является также положение рабочих и служащих Казжелдостроя – промышленного предприятия, занимавшегося строительством железных дорог. В этом предприятии особенно тяжелые социально-бытовые условия были характерны для участка Караганда – Акмолинск, где 500 рабочих, среди которых были и бывшие жители аулов, проживали в грязных бараках и вагонах, «в каждом вагоне по 10 семей». Скученность и антисанитария неизбежно вызывали эпидемии различных инфекционных заболеваний [13, л.445].

В Центральном Казахстане бывшие кочевники пополняли ряды рабочих Прибалхашстроя, воздвигавшего Балхашский медеплавильный комбинат. В 1932 году, согласно решению Народного комиссариата тяжелой промышленности, на северном берегу озера Балхаш было начато строительство крупнейшего в странекombината по выпуску меди. Эта стройка, как отмечают исследователи, находилась под особым контролем Народного комиссариата тяжелой промышленности.

Строительство медеплавильного комбината было начато руководством Прибалхашстроя при отсутствии элементарных бытовых условий (питьевой воды, жилья). Отсутствие качественной питьевой воды стало одной из причин массовых заболеваний и смертности среди рабочих. Как отмечают архивные материалы, «жилищно-бытовые условия рабочих и инженерно-технического персонала крайне тяжелые. Жилья совершенно нет, рабочие размещены в бараках, землянках, юртах, просто под открытым небом, живут скученно, без бани - отсюда эпидемические заболевания» [14, л. 254].

Историки отмечают и нелегкие природно-климатические условия этого региона, усугубившие положение рабочих и затруднившие строительство промышленного комбината. Это резко континентальный климат, в год выпадало 100 миллиметров осадков, постоянные шквальные ветры, летняя жара достигала 40-45 градусов, зимние морозы - до 45 градусов.

Следует отметить, что в результате реализации политики оседания и коллективизации были ликвидированы существовавшие до этого в казахском ауле институты родовой помощи, такие как «жұртшылык», «ат-майын-беру», «сыбаға», представлявшие собой морально-этический кодекс взаимовыручки кочевников. Крушение системы коллективной безопасности вызывало у населения различные формы протеста, одной из которых являлись откочевки.

От кочевки этого периода интерпретируют как форму протеста против политики коллективизации. В этой связи кажется уместным привести точку зрения западного историка Л. Виола, утверждавшей, что повседневные формы протеста являлись ключевой составляющей культуры крестьянского сопротивления и представляли собой «достаточно прозаичную, но постоянную борьбу между крестьянами и теми, кто хочет поживиться за их счет, эксплуатируя крестьянский труд, присваивая произведенные ими продукты питания, взимая налоги, ренту и проценты». Борьба за выживание, по мнению Л. Виолы, превалировала над политическими актами сопротивления. Однако в результате она все равно означала сопротивление, по крайней мере в официальном толковании и дискурсе. [6, с.128].

В советский период в отечественной исторической науке господствовала теория, по которой откочёвки провоцировались «феодално-байскими элементами», которые, преследуя свои личные цели, вовлекали в эту авантюру людей, ухидивших с ними «неведомо куда и неведомо с какой целью». Теория о «перегибах» возникла в период коллективизации. Государственные деятели акцентировали внимание на том, что откочевки являются «результатом исключительно перегибов и ошибок, допущенных в области коллективизации и оседания, и результатом использования классовыми врагами, особенно байско-националистическими элементами, этих ошибок и перегибов наших организаций» [2, с. 234]. Также утверждали, что откочевкам способствовали «слабость партийного и советского аппарата в ауле», «наличие в руководстве партийных организаций байско-кулацких элементов» [2, с. 234]. Придерживались тезиса, что руководящие краевые органы до 1933 г. придавали откочевкам «конспиративный характер».

Необходимо отметить, что в этих утверждениях есть определенная доля истины, так как в 1930 г., по материалам ОГПУ, значительный процент откочевавших составляли «баи» и «прочие антисоветские элементы» [2, с. 234]. Однако в 1931 г. огромный процент откочевников составляли уже «бедняки» и «средняки». В этой связи мы придерживаемся тезиса, что целью откочёвок было стремление выжить. Население откочёвывало в другие регионы и даже в другие государства, руководствуясь этикой выживания, поэтому откочевки можно расценивать как проявление морального возмущения против попрания всех прав, в частности, фундаментального социального права – права на существование.

Специальные сводки ПП ОГПУ (Полномочного Представительства Объединённого Государственного Политического Управления) начала 1930 годов подразделяют откочевки, в зависимости географической направленности, на три типа: 1) откочевки «за кордон»; 2) «внешние» откочевки, направленные за пределы Казахстана, но внутри советского пространства; 3) «внутренние» откочевки, т.е. «стихийное непрерывное движение голодных масс из района в район, в промышленные центры, в города» в пределах Казахстана [14, л. 120].

Первый тип откочевок, в подавляющем большинстве, был распространен в пограничных регионах Казахстана. Так, с Тарбагатайского и Зайсанского районов бывшего Семипалатинского округа летом 1930 года откочевало в Китай около 60 хозяйств [14, л. 121]. Откочевки «за кордон» усиливались в весенне-летний период, когда становились более доступными горные перевалы. В 1930 г., если сослаться на документы ОГПУ, всего с территории Казахстана откочевали за «кордон» и были задержаны при переходе границы 10 тыс. 636 человек. За период с 1 февраля по 10 июня 1933 года на границе между Китаем и Алма-Атинской областью пограничники задержали 5 тыс. 325 человек, пытавшихся уйти на территорию Китая [14, л. 246].

Направленность второго типа откочевок также определялась географическими факторами. Например, с Кызыл-Кумского района к июню 1933 года откочевали в Узбекистан – 2 тыс. 200 хозяйств, в том числе 4 аула во главе с председателем аулсовета. Жители Мангистауского района Западно-Казахстанской области избрали в качестве своего ориентира Туркмению. С октября 1931 года по июль 1932 года с Мангистауского района в Туркмению откочевали около 3 тыс. хозяйств [14, л. 245].

Откочевки жителей Центрального Казахстана были представлены всеми названными вариантами. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что большее распространение получили так называемые «внутренние» откочевки. Таким образом, особенности географического положения Центрального Казахстана, территориальная отдалённость от приграничных районов ограничивали возможности жителей этого региона.

Ситуацию с откочевками начала 1930-х гг. в Центральном Казахстане убедительно характеризуют архивные источники: «В виду такого тяжелого положения в колхозах некоторая часть откочевников и постоянных колхозников продолжают двигаться из района в район, из совхоза в совхоз, из колхоза в промышленные города и обратно в поисках хлеба и пристанища» [15, л. 46]. Для убедительности необходимо привести конкретные факты по

отдельным районам. Так, с Каркаралинского района в 1931 году откочевали 5 тыс. 432 хозяйства с численностью 25 тыс. 421 человек, обратно возвратилось всего 1 тыс. 820 хозяйств, т.е. 5 тыс. 484 человека. В мае 1932 года откочёвки с Каркаралинского района снова возобновились и если к 1932 году в Каркаралинском районе насчитывалось 10 тыс. 800 хозяйств, то к февралю 1933 года – 4 тыс. 400 хозяйств [16, л. 248].

Специальные сводки ОГПУ отмечали: «Из Каркаралинского района наблюдается большое движение населения, в основном, колхозников, в направлении Караганды с целью подыскивания работ. Не имея продовольствия, значительное число идущих от истощения умирают в степи, в частности, на территории посёлков Колхозного, Степного и Тельмановского района» [17, л. 247].

Государственные структуры рассматривали откочёвки и вооружённые выступления как явления одного порядка, поэтому борьба органов ОГПУ с откочёвками велась теми же методами, что и с вооружёнными выступлениями. Государственные структуры применяли репрессивные меры, например, создавали военизированные посты вокруг аулов, формировали заградительные отряды, которые должны были арестовывать откочевников. В этой связи необходимо привести высказывание историка Л. Виола, утверждавшей, что сталинизм воспринимал любую попытку крестьян экономически обезопасить себя и обеспечить жизненно необходимыми ресурсами как скрытую форму сопротивления, равносильную уголовно-наказуемому преступлению - вредительству или даже государственной измене. Поэтому в условиях тотальной войны с крестьянством любое действие, результат которого может быть истолкован как сопротивление, признавалось таковым в зависимости от намерения, мотива и причины. Нейтральность исключалась [6, с. 27].

Итак, откочевки жителей Центрального Казахстана обрели огромные масштабы и в октябре 1933 года в Карагандинской области, только по официальным данным было зафиксировано 18 тысяч 654 хозяйства откочевников [17, л. 46]. Необходимо также констатировать, что меры по хозяйственному устройству откочевников стали приниматься тогда, когда ситуация в этой сфере была катастрофической.

Данный регион занимает довольно обширную территорию Казахстана, поэтому демографические катаклизмы, происходившие в Центральном Казахстане, являлись доминирующей составляющей республиканской демографической катастрофы. Вследствие этого, для более полного и объективного анализа демографических последствий коллективизации в Центральном Казахстане, мы должны рассмотреть ее в контексте общеказакстанской трагедии. Так, комиссия Верховного Совета республики установила, что Казахстан в эти годы от голода и вызванных им болезней потерял 2 млн. 200 тыс. человек или 49% от всего казахского народа [19]. Указанная комиссия отметила также уменьшение численности и других народов, населявших тогда Казахстан. Согласно подсчетам комиссии, численность украинцев снизилась на 100 тыс. человек, русских на 85 тыс. человек, узбеков на 20 тыс. человек и т. д. Более объективная и точная оценка жертв коллективизации в Казахстане стала возможной потому, что в научный оборот были введены новые рассекреченные архивные источники. Таким образом, политика седентаризации и коллективизации, проводившаяся в Центральном Казахстане, привела к тяжелым последствиям: обнищанию населения, голоду, откочевкам, миграционным процессам, социально-демографической катастрофе.

Список использованной литературы и данных:

1. Рыскулов Т. Избранные труды. В 3 т. Т. 3. А., 1998.
2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. Т.1-5. 1927-1939.// Под ред. Данилова В.П.М., Росспэн, 2001.- 1008 с.
3. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? – М.: Политиздат, 1989. - 319с.
4. Данилов В.П., Ильин А., Тепцов Н. Коллективизация: как это было // Урок дает история. – М.: Политиздат, 1989. - С.128-141.

5. Кондрашин В., Пеннер Д. Голод: 1932-1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). - Самара - Пенза, 2002.-272 с.
6. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. – М.: Росспэн, 2010.-368 с.;
7. Уиткрофт С., Дэвис Р.. Годы голода: сельское хозяйство СССР.1931-1933. - М.: Росспэн,2011.
8. Огайон И.О.Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения. (1928-1945 г.г.) – Алматы: Санат, 2009. – 365 с.
9. CameronS.Голод в Казахстане в 1930-33-е гг.: современные исследования и новые направления в изучении вопроса [электронный ресурс].[caa-network.org].
10. Piansciola N.The Collectivization Famine in Kazakhstan, 1931–1933.//Harvard Ukrainian Studies, Vol. 25, No. 3/4 (2001), pp. 237-251.[http://www.jstor.org/stable/41036834].
11. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне.Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. Пер. с англ. М.: Росспэн,2008.
12. ЦГА РК. (Центральный Государственный архив Республики Казахстан) Ф. 1179. Оп.3. Д.54.
13. АП РК.Ф.719. Оп.5. Д.192.
14. ЦГА РК. Ф.1179. Оп.1. Д.47.
15. ЦГА РК. Ф.1179. Оп.4. Д.39.
16. АП РК.Ф.719. Оп.4. Д.220.
17. ЦГА РК. Ф.44. Оп.10. Д.126.
18. Қолдан жасалған қасірет. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Кеңесінің Төралқасы комиссиясының қорытындысы // Егемен Қазақстан, 1992.

XX ҒАСЫРДАҒЫ ТОТАЛИТАРИЗМ ҚАСІРЕТІ: АШТЫҚ ЗОБАЛАҢЫ

Ахат Қ.З.

Қостанай педагогикалық колледжі оқытушысы

Ерманова А.Б.

тарих магистрі, Қостанай педагогикалық колледжі оқытушысы

Қазақ халқы талай тарихтың ауыр кезеңдерін бастан өткерген қайсар да, қайтпас халық. Тек өткен ғасырдың басында Қазақ халқы трагедияға толы түрлі оқиғаларды басынан кешірді: үлкен және кішілі революциялар, отарлық қанау, репрессия, ұжымдастыру, тәркілеу, аштық жәнет.б сындардан өтті.

Қазақ елінің басынан кешкен, қолдан жасалған 1932 жылғы ашаршылықтың зауалы сұмдық.Ешқаша да орны толмайтын қасірет.

Қазіргі кезеңде қазақ халқының жартысына жуығы қырылған 1921-22 жылдардағы ашаршылық жөнінде бірен – саран еңбектерде болмаса әлі айтыла қойған жоқ. Мұрағат деректері менбасылымдарға назар аудара келсек, 1921 жылы Қазақстанның бес губерниясы мен бір уезі, атап айтсақ, Орынбор, Ақтөбе, Орал, Бөкей, Қостанай губерниялары мен Адай уезі ашаршылыққа ұшырады. 2653 300 адам тұратын Қазақстанның батыс бөлігімен және онымен шекараласатын Қостанай губернияларының ашаршылыққа душар болуының объективті және субъективті себептері бар еді. Олардың әрқайының ара жігін таратпай жалпы айтсақ,1921 жылғы аштықтың негізі әріде, тереңде жатты [1, 66 б].

1916 жылы қазақ жастарын тыл жұмыстарына алу, шақырылғандардың бас сауғалап қашуы, халық наразылығының өршіп, Торғай төңірегін қамтыған ұлт-азаттық күрес, ақ пен қызыл кезекпе кезек билікке келген аласапыран азамат соғысы, ер азматтың ат үстінде болуы қалыптасқан шаруашылық жүйесін тоқырауға ұшыратты. Оның үстіне, 1920 жылғы жұт пен 1921 жылғы құрғақшылық ауыл шаруашылығын тұралатып, халықты күйзеліске душар етті. Қазақстанға Ресейден 2 млн адамды қоныстандыру қажет деген мәселе күн тәртібінде тұрғанымен, осы уақытта Қазақстанда аталған бес губерния мен бір уезде ашаршылыққа ұшырағандар саны да мәлімет бойынша 2 млн адам еді [2, 68 б]. Алайда, содан тура он жыл бұрын,1921-1922 жылы Қазақ Орталық Атқару Комитетінің толық емес анықтамасы бойынша,1,5 миллион адамның аштыққа ұшырағанын, бұл жолы да кеңес өкіметі дер кезінде